

Михаил Лузин

Библейская наука

Книга 5. Пророческие книги Ветхого Завета

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М69

М69 **Михаил Лузин**
Библейская наука: Книга 5. Пророческие книги Ветхого Завета / Михаил Лузин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 94 с.

ISBN 978-5-458-42012-9

Академические чтения доктора богословия, профессора и ректора Московской и Киевской Духовных академий.

ISBN 978-5-458-42012-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

взаимномъ отношеніи внутренняго и внѣшняго содержанія своего законъ развилъ величественный формализмъ, какъ необходимый покровъ, подъ которымъ чистая, возвышенная истина могла быть доступна приѣмности народа, стоявшаго еще на низшей степени духовнаго развитія, неспособнаго еще сезерпать высокія духовныя истины, въ ихъ духовности и чистотѣ, ибо народъ былъ еще дитя, съ дѣтскимъ міросозерцаніемъ тогдашняго міра, а истина религіозныхъ воззрѣній, сообщаемыхъ ему, была такъ высока и чиста, что ни одинъ изъ лязческихъ народовъ, даже позднѣйшихъ, даже на высшей степени образованія, не могъ достигнуть ея. Блюстителемъ и охранителемъ этого законнаго формализма опредѣлено было жречество; его назначеніе было совершать для народа всю обрядовую сторону культа Моисеева, исполнять для народа во всей точности и полнотѣ этотъ формализмъ, а равно наблюдать за непогрѣшительнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ со стороны народа всего этого формализма, всѣхъ законныхъ предписаній. Жречество, значитъ, существенно необходимо было для твердаго стоянія закона и на немъ основанной теократіи: стояніе и паденіе обихъ стоитъ въ неразрывной связи; вотъ почему важность и обязанности жреческаго служенія опредѣлены съ такою заботливостію и такою подробностію законными предписаніями. Но жречество, говоримъ, по своему прямому назначенію, относилось почти исключительно къ внѣшней сторонѣ закона, къ обрядовой, къ формализму; оно должно было для народа: а) исполнять обряды законные; да оно и само принадлежало къ священной символикѣ культа Моисеева; б) учить закону дѣломъ, то-есть, учить исполнять формальныя предписанія и требованія закона; а собственно учить въ смыслѣ объясненія, раскрытія и дальнѣйшаго развитія внутренняго смысла закона, т. е., выводить чистую истину изъ-подъ покрывала наружнаго формализма, это, кажется, вовсе не входило въ обязанности жречества. По крайней мѣрѣ, таково назначеніе жречества по прямымъ словамъ Самого Бога, неоднократно высказаннымъ (напр. Лев. 10, 10—11) и по заповѣди Моисея (Втор. 31, 9—13). И жречество во всѣ времена теократіи учило закону болѣе дѣломъ, совершеніемъ всего законнаго и наблюденіемъ, чтобы все исполнялось по закону, какъ „повелѣлъ рабъ Божій Моисей“. Но существенная мысль и дѣлъ закона состояли не во внѣшнемъ только исполненіи законнаго формализма, что не имѣло бы никакого значенія; формализмъ былъ средство

только, внѣшній покровъ; высокая цѣль закона — обрѣзаніе сердца и обновленіе духа, какъ не разъ упоминаеть объ этомъ самъ Законодатель (Втор. 10, 16 и пр.), святость и богоуподобленіе: *святѣ будете, якоже Азъ святъ естъ Господь Богъ вашъ* — вотъ основная мысль — цѣль закона, къ которой предназначенъ былъ вести человѣка весь формализмъ подзаконный. Понятное дѣло, что одной внѣшней формальностью этого достигнуть нельзя; да ее нельзя и соблюсти, какъ только внѣшнюю, какъ только формализмъ, да законъ этого и не имѣлъ въ виду; нужно усвоить, уяснить и проникнуть въ духъ всей этой формальности, — а тотъ оживотворяющій преобразующій духъ, который проникаетъ все многообразіе этихъ законныхъ формъ, скрываясь подъ ними, и давая имъ смыслъ и силу. Но гдѣ духъ Господень, тамъ *свобода*, тамъ возможность дальнѣйшаго развитія религіознаго сознанія, когда подзаконные не успокоиваются на одной буквѣ и внѣшности, а проникають и объемлють постепенно, по возможности, духовную сторону, во внѣшнемъ видятъ внутреннее, въ буквѣ — духъ, въ формѣ — чистую, святую истину. Отсюда — безостановочное, непрерывное развитіе религіознаго сознанія, постепенное усовершенствованіе религіознаго вѣдѣнія человѣка, постепенное воспитаніе его. Закономъ Моисеевымъ только начиналось, даже предназначалось воспитаніе народа, а не оканчивалось; оно должно было постепенно и долго продолжаться раскрытіемъ того животворнаго духа, той чистой истины, которая заключена въ его формѣ, и постепенное познаніе и усвоеніе которой составляетъ религіозно-нравственное воспитаніе народа. Въ этой возвышенной цѣли закона лежитъ основаніе пророчества въ народѣ Еврейскомъ; въ немъ основная идея пророческаго служенія въ этомъ народѣ. — Преимущество завѣтнаго народа предъ всѣми прочими, преимущество закона его въ томъ, что въ немъ духъ живой и животворящій, идея истины, которая можетъ раскрываться свободно, и раскрытіе которой съ постепенною и постоянно возобновляющеюся силою не имѣетъ никакой другой цѣли и ничѣмъ другимъ не сопровождается, кромѣ свободнаго духовно-нравственнаго самоусовершенствованія; и этимъ-то преимуществомъ опредѣляется сущность пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ, которое, поэтому же самому, мы встрѣчаемъ только у него.

Основная задача пророческаго служенія въ Еврейскомъ народѣ, его значеніе и назначеніе — свободно, на основаніи закона, развивать религіозное сознаніе народа словомъ и уче-

ніемъ, раскрывая, по мѣрѣ воспріемлемости и развитія народа, чистую, высокую истину законную, идею истиннаго отношенія Бога къ міру и человѣчеству, отношенія, смыслъ котораго въ искупленіи человѣка и человѣчества, для воссоединенія ихъ съ Богомъ,—раскрывая смыслъ событій настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ съ точки зрѣнія закона и его основной идеи; однимъ словомъ—основная задача пророчества—свободное религіозное воспитаніе народа по духу и смыслу закона Божественнаго, воспитаніе народа словомъ, раскрытіемъ основной идеи закона, или—что тоже—смысла его, соотвѣтственно различнымъ обстоятельствамъ народной жизни, тогда какъ задача жречества была—воспитаніе народа дѣломъ, всегда неизмѣннымъ и одинаковымъ.

Трудно постигнуть причины такого раздѣленія въ воспитаніи народа между жречествомъ и пророчествомъ; казалось бы, жречество, которому ввѣренъ былъ законъ для совершенія всей его формальности, должно было быть и истолкователемъ этого закона въ словѣ, а не только совершителемъ на дѣлѣ. Но великій Законодатель опредѣлилъ иначе. Онъ самъ—первый пророкъ Еврейскій въ показанномъ смыслѣ, образецъ всѣхъ послѣдующихъ пророковъ, ввѣривъ законъ жречеству, по слову Божію, первый установилъ, по слову Божію, пророчество независимо и наряду со жречествомъ, и указалъ на его назначеніе. Вспомнимъ случай, рассказанный въ Книгѣ Числъ (11, 24—30). Народъ ропталъ на Моисея и на Бога; онъ не слушалъ Моисея, какъ пророка, истолкователя воли Божіей народу; въ смущеніи, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ этимъ жестоко-вѣрнымъ народомъ, Моисей молитъ Іегову, чтобы Онъ явилъ къ нему милость,—*убилъ бы его убіеніемъ, да не вижу, говоритъ, озлобленія моего.* Богъ повелѣваетъ взять ему 70 старцевъ, которыхъ онъ знаетъ, и привести ихъ къ скинии свидѣнія; какъ скоро это было исполнено, тотчасъ всѣ они стали пророками. Дѣло очевидное, что Моисей избралъ этихъ 70 старцевъ себѣ помощниками, для объясненія народу воли Божіей, независимо отъ жречества, и это—первый сонмъ пророковъ Еврейскихъ. Здѣсь же содержится и довольно прямое указаніе на назначеніе пророческаго служенія: два изъ этихъ старцевъ избранныхъ не пришли къ скинии, но пророческій духъ объялъ ихъ въ полкѣ; когда одинъ юноша сказалъ объ этомъ Моисею и умолялъ воспретить имъ пророчествовать, Моисей отвѣчалъ ему: „неужели ты завидуешь

имъ? О, если бы все люди Господни (т. е., весь народъ Еврейскій) были пророками! О, если бы Иегова всѣмъ имъ далъ Духа Своего* (ст. 29)! Вспомнимъ, что это сказалъ Моисей, когда данъ уже былъ законъ, въ полномъ его составѣ, и установлено жречество, и—не трудно будетъ видѣть назначеніе пророческаго служенія при законѣ и при жреествѣ, наряду и независимо отъ сего послѣдняго. „О, если бы весь народъ были пророки,“ т. е., способенъ былъ понимать и принимать волю Божию, выраженную въ законѣ, тѣ высокія святаго истины, которыя заключены подъ покровомъ всего этого формализма—внѣшности законной, тѣ истинныя идеи, которыя открыты изъ всего древняго міра единственно только этому народу юному, который стоялъ еще самъ по себѣ на степени развитія языческихъ народовъ, оттого душевно, хотя, можетъ быть, бессознательно, склонялся къ ихъ міросозерцанію, не въ силахъ будучи вполне понять и выразумѣть чистоту, духовность и истинность своего! О, если бы весь этотъ народъ были пророки—свободные представители идеи законной! Но весь народъ неспособенъ къ тому, и только избранные, по особенному дѣйствию Божию, способны на то, способны быть пророками, истолкователями чистой истины и воли Божіей народу.

Такъ, говоримъ, пророчество установлено наряду съ жречествомъ, какъ особенное служеніе, котораго основная задача—воспитаніе религіозно-нравственное народа словомъ, откровеннымъ Иеговою, словомъ живымъ и дѣйственнымъ, оживотворяющимъ отношенія народа къ законному формализму, или короче—постепенное раскрытіе высокыхъ духовныхъ истинъ, скрытыхъ подъ покрываломъ закона, для приготовления народа къ достиженію его высокаго назначенія. Жречество было полнымъ выраженіемъ и представителемъ законнаго формализма, буквы внѣшней и—строгости; пророчество—полнымъ выраженіемъ и представителемъ духа, животворящаго этотъ формализмъ и букву,—высокихъ духовныхъ истинъ міросозерцанія, единственныхъ во всей древности, сокрытыхъ на время въ этомъ формализмѣ и буквѣ, представителемъ благодати Вѣтхо-Завѣтной. Здѣсь то именно и скрывается причина антагонизма между ними, развившагося впоследствии и довольно часто проявлявшагося, и здѣсь же скрывается страшная, громадная сила пророчества, могшаго производить радикальныя, всенародныя реформы, чего никогда не могло сдѣлать жречество (при Самуилѣ, въ плѣну). Такъ, говоримъ, самъ законодатель Моисей, или лучше самъ Иегова чрезъ него, устано-

виль пророчество народу съ жречествомъ, какъ особое служеніе, требовавшееся смысломъ и формой закона. Мы привели одинъ фактъ объ этомъ изъ Книги Числь. Впослѣдствіи еще не разъ говорилъ законодатель о служеніи пророческомъ, какъ особенномъ служеніи, съ особымъ назначеніемъ, ему одному свойственнымъ, и изобразилъ нѣкоторыя частныя черты Еврейскаго пророка, по которымъ можно полнѣе опредѣлить понятіе о немъ, слагая эти частныя черты въ одинъ образъ. Сюда относятся особенно тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о пророкахъ истинныхъ и ложныхъ. Дѣло въ томъ: престарѣлый законодатель съ отеческою скорбію предвидѣлъ опасность уклоненія народа съ пути законнаго, послѣ его смерти. Земля, которую долженъ былъ занять юный народъ Еврейскій, полна была волхвованіями и чародѣйствомъ: могъ ли весь народъ добровольно и единодушно противиться сильному обольщенію, народъ, который по своему естественному міросозерцанію стоялъ ближе къ религіямъ тамошнихъ языческихъ народовъ, избраніе котораго и есть именно изыятіе его изъ этого круговорота лжи тогдашняго міросозерцанія, народъ, который и при жизни Моисея, по этому же самому, такъ много позволялъ себѣ?—Моисей провидѣлъ эту опасность, и законъ его часто предостерегаетъ отъ волшебства и чародѣйства, въ различныхъ ихъ видахъ, господствовавшихъ тогда въ Ханаанѣ и Египтѣ (Исх. 22,17. Втор. 18,10 и др.), и проклинаяетъ тѣхъ, которые бы прилѣпились къ нимъ, оставивъ Бога истиннаго: *естъ бо мерзость сіе предъ Господомъ Богомъ вашимъ.*

Вмѣстѣ съ подобными запрещеніями и предостереженіями, Моисей въ одномъ мѣстѣ выражаетъ обѣтованіе о возставленіи народу пророка, подобнаго ему, и, изображая сего пророка, въ отличіе отъ пророковъ ложныхъ, указываетъ нѣкоторыя черты истиннаго пророка. Это мѣсто—Второзаконія 18,9—22. Другое, подобное нѣсколько—Втор. 13,1—5. Особенность служенія пророческаго здѣсь такъ очевидна, что о ней не слѣдуетъ и говорить. Обратимъ вниманіе на черты, которыми здѣсь обозначается сущность пророческаго служенія, замѣтивъ предварительно, что если въ первомъ изъ прочитанныхъ мѣстъ именемъ *наві*—пророка означается и несобирательное понятіе, а понятіе объ одномъ извѣстномъ пророкѣ: то это не мѣшаетъ снять съ него черты Ветхо-Завѣтнаго пророка вообще, такъ какъ этотъ пророкъ, о которомъ говорится здѣсь, подобенъ Моисею,—образу всѣхъ Ветхо-Завѣтныхъ пророковъ и самъ есть образъ для нихъ. Изъ этихъ

прочитанныхъ мѣсть можно видѣть слѣдующія черты Ветхо-Завѣтнаго пророка вообще, пророка истиннаго:

1. Истинный пророкъ долженъ быть исключительно изъ среды Еврейскаго народа. Всякое не Еврейское пророчество исключается закономъ, а слѣдственно, и всей дальнѣйшей исторіей Евреевъ; это преимущество только Еврейскаго народа. И дѣйствительно, во всей Еврейской исторіи мы видимъ пророковъ Евреевъ, за исключеніемъ только загадочной личности Валаама, служеніе котораго вызвано особенными обстоятельствами. По этому уже первому закону, сопоставлять Еврейскаго пророка съ такъ называемыми пророками другихъ народовъ и видѣть въ нихъ единство или тождественность принципа — не разумно и не возможно; тѣ устраняются какъ ложные, что видно и изъ всѣхъ другихъ чертъ и проявленій ихъ.

2. Съ этою чертою происхожденія Еврейскаго пророка тѣсно связывается другая черта, относящаяся къ назначенію самого пророка: каждый истинный пророкъ воздвигается для такой же посреднической дѣятельности, какъ Моисей, осуществляя ее болѣе или менѣе полно. Не можетъ быть никакого противорѣчія между прежними и позднѣйшими Божественными откровеніями; цѣль всѣхъ откровеній, какъ и самаго закона, одна; слѣдовательно, пророческая дѣятельность въ этомъ отношеніи должна стоять въ тѣсной связи съ Моисеевою, съ закономъ, — въ столь тѣсной, что она должна быть во всѣ времена только продолженіемъ и раскрытіемъ дѣла Моисея, какъ пророка, т. е., раскрытіемъ духа, силы и истины, или единственно истиннаго міросозерцанія закона подъ покровомъ внѣшняго формализма. И дѣйствительно, вся исторія Еврейская показываетъ, что законъ — основоположеніе всей пророческой дѣятельности всѣхъ пророковъ; они были въ этомъ отношеніи въ собственномъ смыслѣ „стражами дома Израилева,“ ограждая законъ, какъ основоположеніе этого дома и истину теократіи — самый домъ, отъ всего вреднаго и чуждаго, очищая, исправляя, совершенствуя и пр. Они только раскрывали шире смыслъ и духъ, т. е., истину закона, свѣтомъ его идей истинныхъ освѣщая внутреннія и внѣшнія событія народныя, настоящія и прошедшія и будущія, указывая проявленія истины и жи. Отсюда такое строгое единство во всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ пророковъ, единство духа и направленія. Въ самомъ дѣлѣ, неисчислимое разнообразіе пророческихъ рѣчей и дѣйствій, при различныхъ обстоятельствахъ народа, внутреннихъ и внѣшнихъ, дышатъ однимъ и тѣмъ же духомъ, про-

вкнуты одними и тѣми же воззрѣніями, направлены въ одной и той же цѣли и неуклонно преслѣдуютъ ее въ продолженіе слишкомъ 1000 лѣтъ, такъ что, при сравненіи съ другими народами того и послѣдующихъ временъ приводятъ въ изумленіе всякаго безпристрастнаго наблюдателя, и исторгаютъ крикъ удивленія даже и у не такъ вѣрующихъ людей.

Во всей всемірной исторіи, говоритъ въ восторгѣ передъ этимъ зрѣлищемъ Бунзенъ, нѣтъ ничего подобнаго этому 1000 лѣтнему духовному развитію—стройному, проникнутому однимъ духомъ, одной идеей, одной истиной (Gott an d. Gesch. 1, 141).

3) Истинный пророкъ воздвигается *непосредственно Самимъ Іеговою*. Это—существеннѣйшая черта истиннаго пророка Еврейскаго; это—особенность Еврейскаго пророка, что его призваніе не соединяется необходимо съ какою либо церковною или гражданскою должностію, какъ это обыкновенно въ язычествѣ, гдѣ прорицаніе соединено обыкновенно съ жречествомъ, и опирается на авторитетъ этого жречества. У Евреевъ Самъ Богъ, по Своей волѣ, призываетъ пророка къ пророческому служенію, не ограничиваясь ни званіемъ, ни состояніемъ, ни преемствомъ, ничѣмъ.—Замѣтимъ мимоходомъ, что не поэтому ли, между прочимъ, служеніе пророческое не соединялось съ жречествомъ? Обозрѣвая исторію Евреевъ, мы, съ одной стороны, видимъ дѣйствительно, что никакой человѣческой выборъ, никакія іерархическія или гражданскія преимущества не давали права на избраніе въ пророка; Іегова Себѣ одному предоставилъ власть избирать провозвѣстниковъ Своего слова. Были въ числѣ пророковъ люди и изъ жреческаго колѣна Левина, незначительные по должности, каковы Еманъ, внучъ Самуиловъ, Асафъ, его родственникъ, Іеремія, сынъ Хелкіи священника и пр., но наряду съ ними является и Елисей, земледѣлецъ, и Амосъ пастухъ и др. Вообще, въ Еврейской исторіи нѣтъ слѣдовъ наслѣдственнаго преемства между пророками, какъ это часто бывало у языческихъ прорицателей, и не соединялось пророчество съ какою—либо должностію такъ, чтобы зависѣло отъ этой послѣдней. Оно стояло въ ряду общественнаго служенія, но въ то же время оставалось выше всѣхъ его постановленій сословныхъ и внѣ всякой зависимости отъ церковной или гражданской власти. Этому такъ и быть надлежало: Божественное, являясь въ мірѣ человѣческомъ, не подчиняется его законамъ; не именемъ земной власти и не именемъ премѣняемаго закона говорили пророки, но именемъ вѣчнаго Бога, слово котораго непреложно. Служители

и представители духа и, слѣдовательно, свободы законной не могли, въ своемъ призваніи, какъ и во всей дѣятельности, быть ограничены формализмомъ закона общественнаго, іерархическаго, сословнаго и др., ничѣмъ, кромѣ этого самого духа закона и свободы или воли Божіей. Потому и на чреду своего служенія должны были исходить только по особенному избранію Его, не смотря на положеніе въ обществѣ. И дѣйствительно, изъ писаній пророковъ видно, что они исходили на дѣло своего служенія только по особенному призванію и избранію свыше, соотвѣтственно времени, обстоятельствамъ, потребностямъ народа и церкви и планамъ верховнаго міроуправленія. Это призваніе у нихъ называется обыкновенно *словомъ Іеговы* (Іер. 1,2. 4. Іез. 1,3), какъ и послѣдовавшія затѣмъ откровенія, хотя это слово призванія, конечно, отличается отъ слова откровенія, какъ это увидимъ послѣ. Многіе изъ пророковъ оставили намъ описаніе такого призванія ихъ, напр., Амосъ, Исаія, Іеремія, Самуиль и пр. Если же нѣкоторые изъ пророковъ и не оставили описанія этого чрезвычайнаго событія, то, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что оно было у всякаго пророка; иначе и представить не возможно. Во всякомъ случаѣ, вся исторія свидѣтельствуетъ, что Іегова Самъ воздвигалъ себѣ пророковъ, и воздвигалъ, кого хотѣлъ, не ограничиваясь условнымъ положеніемъ членовъ Еврейскаго общества.

4) Призвавъ непосредственно къ дѣлу пророческаго служенія пророка, Богъ непосредственно открывалъ ему волю Свою при дальнѣйшемъ прохожденіи пророческаго служенія. Богъ *вдавалъ слово Свое во уста его*. Это также исключительное преимущество Еврейскаго пророка, его особенность. Все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, есть слово и дѣло по повелѣнію Бога, открываемому или нарочито, или какъ непреодолимое требованіе совѣсти. Въ высшей степени странно поэтому видѣть въ нихъ какіе-либо личные расчеты, личныя стремленія, умѣнье пользоваться обстоятельствами и пр. и пр., что такъ пронипательно бывало усматривали въ нихъ натуралисты и имъ подобные.

5) По силѣ такого призванія, избранія и откровенія, при особенномъ дѣлѣ служенія Іеговы, пророкъ какъ бы занимаетъ у народа мѣсто Іеговы. Когда Богъ *вдастъ слово Свое во уста его*, онъ говоритъ во имя Божіе, въ силѣ и власти Самого Бога. Возвѣщеніе слова Іеговы было непремѣнною обязанностію и главнымъ призваніемъ пророка Еврейскаго, это видимъ мы

изъ всей исторіи. Въ понятіи народа Божія право говорить отъ лица Іеговы стольже тѣсно соединялось съ именемъ пророка, какъ съ именемъ священника—право священнодѣйствовать, съ именемъ судіи—производить судъ. *Слушайте слово Іеговы, вотъ что говоритъ Богъ*, вотъ обычныя начальныя слова Пророковъ, когда они являются въ качествѣ посланниковъ Божіихъ къ царямъ и народу, и сами цари и народъ спрашивали—есть ли слово отъ Бога (Іер. 37, 17). Это Божественное слово столь же существенно отличало пророка, какъ законъ—священника, благоразуміе—мудреца: „не исчезли еще“, говорятъ враги Іереми, „законъ у священника, совѣтъ у мудреца, и слово у пророка“ (Іерем. 18, 18). Отсюда обычныя у священныхъ писателей наименованія пророковъ: „посланникъ“ или „вѣстникъ Божій“, „человѣкъ Божій“, „другъ Божій“ и пр. Этотъ глаголь во имя Бога Іеговы есть отличительный признакъ истиннаго пророка отъ ложнаго, который говоритъ во имя боговъ иныхъ или боговъ чуждыхъ, или по своей дерзости.

Таковы черты истиннаго пророка и служенія пророческаго, по указанію самого Законодателя, оправдываемыя или осуществляемыя всего исторіею пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ. Не собираемъ характеристическихъ чертъ этого предмета изъ другихъ книгъ (мы съ ними еще встрѣтимся), а теперь достаточно и этихъ, чтобы оправдать высказанное нами понятіе о пророкѣ и пророческомъ служеніи въ народѣ Еврейскомъ, и объ отношеніи его къ закону и жречеству.

Указанное нами отношеніе пророчества къ закону условливало и отношеніе его къ народу и ко всей исторіи этого народа. Не выше закона стояло пророчество въ Еврейскомъ народѣ, какъ превратно понимаютъ нѣкоторые отношеніе ихъ, но, такъ сказать, средоточіемъ, сердцемъ закона было оно, полное глубокаго прозрѣнія въ богатое сокровище его глубокихъ истинъ и мудрыхъ постановленій, полное глубокой радости и любви въ полнотѣ его благословеній, воспламененное и постоянно горящее ревностію по исполненію Божественной воли; оно было душой этого величественно-прекраснаго организма—законнаго формализма, душой, движущей обществомъ, управляющимся этимъ закономъ, дающей направленіе всей его жизни, не смотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ силъ этого организма, направляемыхъ чуждыми интересами и грѣховными, не Богопросвѣщенными, стремленіями

(разумѣмъ повременную заоснѣлость жречества, съ его законнымъ формализмомъ, грубо понимаемымъ, обличенія Іереміи, Іезекіиля и др.). Такимъ только образомъ понимаемое, при таковомъ только представленіи о немъ, пророчество могло и должно было быть продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ законной истины: ибо пророчество есть высшее Божественное примѣненіе Божественной воли къ современной исторіи народа. Въ какой бы формѣ оно ни являлось, преобразующимъ ли внѣшнее положеніе народа, какъ, напримѣръ, при Самуилѣ, послѣ Соломона, около плѣна, грозящимъ ли и претящимъ, успокоивающимъ и обѣщающимъ, всегда оно есть исполненіе Божественной непреложной воли, открытой прикровенно въ законѣ, и только полнѣе и шире открываемой и раскрываемой, проведеніе этой воли въ жизнь и исторію народа, такъ что всюду и всегда основоположеніе, зерно пророческой дѣятельности въ законѣ, непоколебимомъ основаніи всей народной теократической жизни, и, слѣдовательно, все пророчество есть только дальнѣйшее и полнѣйшее раскрытіе законной истины, окрѣпшей въ законномъ формализмѣ или культѣ. Этимъ, говоримъ, опредѣлялось отношеніе пророчества и къ народу, при извѣстномъ отношеніи народа къ закону. Въ діаметральной противоположности стоитъ оно къ нарушенію законной истины, въ какой бы формѣ, въ какихъ бы превратныхъ истолкованіяхъ закона оно ни обнаруживалось, и презрители закона всегда боялись и ненавидѣли ихъ; напротивъ, ихъ слова и ихъ дѣйствія находили себѣ живое сочувствіе въ лучшей, вѣрной закону части народа. И для этой, способной понимать силу и духъ закона, части народа пророческое слово во всѣ времена было истинное, древнее, праведное слово, слово какъ бы самого Законодателя, слово Самого Бога, какъ оно дѣйствительно и было. Но при семъ, это пророческое слово никогда не было лишь мертвымъ воспроизведеніемъ, механическимъ повтореніемъ буквы закона; нѣтъ, это было оживленіе его, живое раскрытіе его примѣнительно къ извѣстнымъ временамъ и обстоятельствамъ, и потребностямъ народа, и планамъ верховнаго Міроправителя; измѣнялась форма буквъ, но духъ истины единый, вѣчный и живой былъ одинъ и тотъ же.

Такимъ образомъ, на почвѣ древняго, законнаго основоположенія раскрывался постепенно и постоянно для религіознаго познанія и дѣятельности всегда обновляющійся и безконечно, безъ усталы раскрывающійся духъ, не стоя въ противорѣчій съ древнею буквою, расширяя, просвѣщая и совершен-